

Анастасия Каледина

Шуба

— А с шубой что делать?

— Чёрной? Третий раз спрашиваешь. Там разберутся.

Снимаю-обнимаю её с вешалки, вынимаю из опустевшего шифоньера. Чувствую запах той единственной помады и всех духов с трюмо.

— Сюда, — сестра пинает мусорный мешок XXL, швыряет в него стопку одежды, достаёт из пасти дивана ещё стопку.

Перешагиваю пакеты и коробки, сажаю шубу на стул, стряхиваю снежинки пыли с кудрявого меха, лезу в холодные карманы — пусто.

— Хорошая ещё.

— Носить собираешься? — ухмыляется Машка.

— Ну... можно как-нибудь на «Авито» выложить.

— Займёшься?

Ага, поняла, спасибо. В прошлый раз на «Авито» я подарила кому-то деньги, в позапрошлый у меня обещали купить кучу всего, но просили скинуть немного на проезд. Я скинула.

— Просто кто в такую жару ищет шубу, — Машка смягчает тон.

— И возни

дофига — химчистка, фурнитуру менять. Ты посмотри на эти пуговицы.

В гостях, когда взрослые уже пели песни, я лежала на диване для шуб и гладила эти пуговицы, похожие на черепашек. Одна оторвалась. Дрожащей рукой я сунула её в карман платья. Потом бабушка разбудила меня, и мы шли и шли по заснеженному двору с дырявой хоккейной коробкой, пока не пришли в свой, такой же двор. Дома я достала мою тайную шкатулку и навсегда заперла в ней пуговицу. Бабушка пришила на её место обычную.

— Главное — приданое не забудь, — Машка со смехом протягивает мне пару обувных коробок.

Я составляю в них неприкасаемые сервизы: сестре кофейный, с острыми фигурами, мне — чайный, с Золушками. Сервант звенит стёклами: «уууу». Я впервые вижу его пустым. Хорошо, что это ненадолго: покупатели просили оставить в квартире мебель.

— Давай быстрее, — сестра уже тащит пакеты к дверям.

— Шустри, — вечно торопила бабушка.

Шуба молча сидит на стуле. Муторно заталкиваем всё в лифт. Говорю, что пойду пешком, в последний раз запираю дверь. Внизу выставляем всё из лифта на влажную лестничную клетку, потом

относим мешки-коробки ко входу в подъезд. Таким же способом мы каждое лето перевозили бабушку на дачу — с миллионом сумок и ящичков «осторожно, рассады». И каждое лето просили не сажать столько, больше отдыхать.

— Не тормози, — нервничает Машка. — Сейчас машину подгоню.

— Твоя сестра — лидер, — шуршит возле уха знакомый голос.

Загружаем салон и багажник. Сажусь на переднее, накрываю ноги свёрнутой вдвое шубой.

— Оставлю, — говорю максимально равнодушно. Машка кивает.

Едем по скучным пережаренным улицам — мимо магазина смешных цен, старой общаги, пустыря, нелетающего самолёта.

— Тебе от неё не жарко?

— Нет. Знаешь, так странно... будто не успела попрощаться.

— С кем? — глухо спрашивает сестра и врубает «Лав Радио».

Прижимаю шубу к груди, как большого кота. Двери храма распахнуты: видно разбросанные по полу зелёные ветки. Это вроде к Троице. Набиваем контейнер «Благотворительность» у дальних ворот: чёрные пакеты — как икринки в огромной банке.

— Помнишь, она очнулась и попросила...

— Чёрной икры, — подхватывает Машка и кивает на храм. —

Зайдёшь?

— Не знаю... не хочу.

— Погнали тогда?

— Стой.

Вынимаю-обнимаю шубу из машины, несу к контейнеру, укладываю на чёрные пакеты.

— Она кому-нибудь обязательно пригодится, — голос сестры дрожит.

С минуту едем в тишине — и начинает звонко лупить ливень. Машка вдруг разворачивает свой «Ниссан» и ещё раз провозит нас мимо храма и контейнера «Благотворительность». Из него свисает насквозь мокрый чёрный рукав.